

Д.В. АЛЕКСЕЕВ, А.М.ИЛЬИН, М.В.ИЛЬИН*

КТО И КАК ЗАКОНЧИЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Аннотация. Политические и семиотические аспекты поражения Германии во Второй мировой войне комплексно образуют вложенный перформатив или перформативное событие, создаваемое цепями перформативных действий и перформативных высказываний. Динамика консолидации и распада Третьего рейха, а также самоубийство Гитлера и капитуляция Германии рассматриваются сквозь призму анализа дискурса и теории речевых актов.

Ключевые слова: Третий рейх; капитуляция Германии; перформативное событие; перформативное действие; перформативное высказывание; дисфункциональный перформатив; вложенный перформатив; теория речевых актов.

* **Алексеев Дмитрий Владимирович**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Ильин Андрей Михайлович**, аналитик Экспертно-аналитического отдела Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, e-mail: nevedorin@gmail.com; **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО (У) МИД России; e-mail: mikhaililyin48@gmail.com;

Alekseev Dmitry, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Ilyin Andrey**, National Research University Higher School of Economics, (Moscow, Russia), e-mail: nevedorin@gmail.com; **Mikhail Ilyin**, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics; Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

D.V. Alekseev, A.M. Ilyin, M.V. Ilyin
Who and how has end the Second World War?

Abstract. Political and semiotic aspects of the defeat of Germany in World War II conjoin into a nested performative or performative event made by chains performative actions and performative utterances. Pace of consolidation and breakdown of the Third Reich as well as Hitler's suicide and capitulation of Germany are interpreted through the prism of discourse analysis and speech acts theory.

Keywords: Drittes Reich; capitulation of Germany; performative event; performative act; performative utterance; dysfunctional performative; nested performative; speech acts theory.

«Мне пришло в голову, что сейчас я стану единственным человеком на Земле, который узнает, почему же все это случилось. Он должен был сказать что-то, что объяснило бы все происшедшее, что научило бы нас чему-то. Он должен был что-то нам оставить. Но когда он начал диктовать – Боже мой, этот длинный список министров, которым он намеревался завещать руководство страной... это было настолько гротескно... Я подумала – да, именно тогда я подумала: как все это выглядит недостойно. Те же самые фразы, тот же тихий голос, и потом, в конце, те же самые отвратительные слова про евреев. После всего этого разочарования, после всех страданий, которые мы пережили, он не произнес ни одного слова сожаления, ни намек на сострадание. Я помню, как тогда мне подумалось, что он не оставляет нам ничего» [цит. по: Кун, 2016].

Это слова Юнге Траудль, которой Адольф Гитлер продиктовал свое завещание. Свидетельства одной из секретарш фюрера позволяют максимально полно представить, что произошло в бункере Райхсканцелярии, реконструировать мультимодальность последнего перформатива Гитлера. Именно данный перформатив – завещание фюрера германской нации вкупе с его самоубийством и всеми сопутствовавшими модальностями единого политического и «речевого» акта – стал наиболее ярким и ясным знаком завершения мировой войны, конца Третьего рейха и его фюрера. Точнее, Гитлер претендовал на то, чтобы своим физическим концом, дополненным символическими действиями, включая завещание, завершить и весь проект Третьего рейха – во всяком случае здесь и сейчас в начале четвертого утра 30 апреля 1945 г.

Таков был замысел человека по имени Адольф Гитлер. Не вызывает споров, что выстрелом из пистолета он убил себя. Перформатив, казалось бы, удался. С завещанием сложнее. Оставался ли фюрер германской нации тем же могущественным институтом, как некогда? Или стал его бледной тенью, чей конец уже не зависел от нее самой? И тем более не от нее зависел уже конец войны. Его предопределяли солдаты и полководцы держав-победительниц.

Данные обстоятельства заставляют взглянуть на вопрос, кто и как завершил Вторую мировую войну, под разными углами зрения. Ответов может быть огромное множество. Каждый будет по-своему справедлив и по-своему ограничен и частичен. Соотнести друг с другом некоторые из наиболее значимых помогает общий символический момент – перформативный речевой акт фюрера германской нации в виде самоликвидации этого уникального института и всего Третьего рейха вместе с ним.

В статье рассматриваются несколько вопросов. Что и в какой мере делает завещание Гитлера перформативом? Как соотносится перформативный акт самоубийства Гитлера с другими актами покушения на его жизнь? Чем был перформатив завещания и конца фюрера в рамках общего включенного перформатива, связанного с созданием и крахом Третьего рейха? Равнозначен ли акт самоубийства Гитлера капитуляции Третьего рейха? Какого рода перформативные акты завершили войну?

Завещание А. Гитлера как перформатив

Завещание или осуществление последней прижизненной и одновременно посмертной воли по самой своей природе является ясным и недвусмысленным перформативом. Завещание создает новый порядок вещей – уже без завещающего, но при явном осуществлении его воли. В какой мере завещание Гитлера отвечает этому архетипу и в какой отклоняется от него? Что дают анализ и интерпретация текста завещания как перформативного высказывания?

Сам по себе анализируемый текст и вся его коммуникативная и прагматическая перспектива в полной мере соответствуют архетипу. Данный текст в целом можно рассматривать как перформативное высказывание (*performative utterance*), так как оно

является письменным выражением последней воли Гитлера и последних его указаний и приказов.

Вместе с тем и текст, и вся ситуация, увиденные непосредственно и как бы «изнутри», показались Юнге Траудль в чем-то ущербными («как все это выглядит недостойно») и даже бессмысленными («он не оставляет нам ничего»). Текст предстает еще более «неадекватным» при учете событий за пределами Рейхсканцелярии, т.е. других альтернативных перформативов, прежде всего – действий войск и командования антигитлеровской коалиции, а также общего политического и смыслового (семиотического) контекста.

Самое сильное, пожалуй, несоответствие завещания архетипическому утверждению последней воли заключается в том, что у Гитлера не остается действительного выбора, свободной воли. Обстоятельства и действия других акторов оставляют лишь перспективу бесславной и унижительной сдачи в плен. Ее можно избежать лишь одним способом – путем самоубийства. Это выбор вынужденный, можно сказать, навязанный обстоятельствами, а отнюдь не результат изъявления собственной воли.

Фальшивый и дисфункциональный характер последнего решения фюрера, его завещания и самого самоубийства отразились в тексте. Завещание А. Гитлера можно условно разделить на три части.

Первая часть представляет собой обращение к будущим поколениям. Формально – это констатив, заряженный весьма слабой иллокутивной силой и напоминающий, скорее, экспрессивы (expressives), по Джону Сёрлю [Searle, 1975], или признания (acknowledgements), по Кенту Баху и Майклу Харнишу [Bach, Harnish, 1979]. Содержательно это весьма слабая и даже неуверенная попытка оправдать себя за счет ухода от разговора по существу, перенос акцента с проблем политики и истории на эмоциональные и даже личностные оценки. Налицо попытки завещателя отдалить от себя и как роль фюрера германской нации, так и вопрос о судьбе Третьего рейха. В каком-то смысле это даже понятно и даже по-своему честно, если это слово тут применимо. Гитлер невольно признает, что и фигура фюрера, и структуры нацистского господства уже утратили свой смысл.

Фюрер начинает завещание с краткого обзора своей жизни и говорит о том, что верой и правдой служил Германии практически всю жизнь (начиная с 1914 г.). Он оправдывается, принижает свою

роль в развязывании Второй мировой войны. Он констатирует, что принял решение о добровольном уходе из жизни в связи с тем, что не готов покинуть столицу Третьего рейха: «...я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу...» [Гитлер, 1945].

Вторая часть завещания – это наставления фюрера на будущее для немецкого народа. Тут можно найти намек на перформатив и заряженность илокутивной силой, однако он очень расплывчат и смазан. Если вновь обратиться к более дробной классификации речевых актов Джона Сёрля, то тут, пожалуй, расплывчатые пожелания формально не дотягивают даже до мягких директив (*directives*) или пожеланий, а содержательно оказываются всего лишь репрезентативами (*representatives*), выражениями веры в некое будущее состояние.

Основное наставление фюрера нынешним и будущим поколениям содержит одновременно благодарность за верность и призыв к продолжению борьбы: *«То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица»* [Гитлер, 1945].

Третья часть завещания содержит волю фюрера по распределению должностей в правительстве Третьего рейха. Лишь только тут наличествуют перформативы или директивы.

Последняя часть завещания посвящена преимущественно кадровым вопросам. Фюрер отвечает на вопрос: кто будет управлять Третьим рейхом после его смерти? В завещании содержится информация о всех министерских назначениях, однако более любопытным представляется изгнание из партии двух людей близкого круга А. Гитлера за измену Третьему рейху и лично фюреру – Г. Геринга и Г. Гиммлера. Два абзаца, в которых заключены перформативы отставки двух виднейших государственных деятелей тогдашней Германии, начинаются абсолютно идентично: *«Перед своей смертью я изгоняю бывшего...»*.

В данном пассаже проявляется важная особенность жанра завещания и лежащего в его основе перформатива. С одной сторо-

ны, перформатив концентрирует в себе различные побудительные моменты – будь они также перформативами или иными типами речевых актов. Образуется воронка причинности [Campbell, 1960]. В то же время завещание предписывает будущие действия. Тем самым оно становится точкой выстраивания другой воронки, симметричной первой, но обращенной в будущее, воронки следствий [Мельвиль, 1999 а; 1999 б; Ильин, 2015].

Предложивший соединить две воронки «горлышками» А.Ю. Мельвиль рассматривает критическое событие – у него это выборы – как своего рода катализатор, «очаг возмущения» [Мельвиль, Сергеев, 2002]. Аналогичным образом можно рассмотреть завещание А. Гитлера как своего рода «очаг возмущения, обратную воронку следствий. Самым ближайшим оказывается выстрел самоубийцы. Другим важным следствием было открытие возможности для капитуляции. Однако длительных политических последствий и перформативов, на которые рассчитывал сам Гитлер, его завещание не вызвало.

В целом и политическое завещание А. Гитлера, и его самоубийство – две стороны одной медали. Первое можно считать аналогом *перформативного высказывания* (*performative utterance*), в то время как второе является *перформативным действием* (*performative act*). Совокупно они образуют интегральный перформатив, поскольку, как было показано выше, и действие, и высказывание подкрепляют друг друга и хотя бы в личном, эмоциональном плане нацелены на самооправдание фюрера – действительную его цель, которую только ему и остается достичь.

В более широком контексте за пределами личных намерений Гитлера перформатив самоубийства фюрера и главы Рейха окончательно ознаменовал конец германского государства, сделал капитуляцию вопросом лишь нескольких дней, а денацификацию – делом самого ближайшего времени.

Смерть А. Гитлера

При всей своей вынужденности самоубийство Гитлера вызвало большой резонанс. Оно показало, что само существование этого человека было тесно связано с институтами нацистского господства, а сама его фигура олицетворяла порядки и мощь гер-

манской империи. Конечно, фактический крах Третьего рейха к весне 1945 г. сделал фюрера все менее значительным политическим институтом и все более слабым актором. Однако символическое, а с ним политическое, перформативное значение гибели фюрера и биологического носителя этой роли даже в дни штурма Берлина было велико. Возникает вопрос о потенциальном значении попыток покушения на Адольфа Гитлера в развертывании (и свертывании?) дискурса тысячелетнего господства Третьего рейха. Подобных попыток известно несколько, равно как еще большее число заговоров с целью его устранения [Berthold, 1981; Бертольд, 2002].

Покушение на жизнь политически значимой фигуры неизбежно становится перформативом и читается как перформативное высказывание. Значительный интерес в данном отношении имеют два подобных перформатива. Наиболее известна предпринятая Клаусом фон Штауффенбергом попытка уничтожения Гитлера в его ставке 20 июля 1944 г. Она была частью заговора генералов, стремившихся к выходу Германии из войны и ликвидации гитлеровской диктатуры. Неудачное покушение сопровождалось действиями заговорщиков. Образовался перформативный акт большого масштаба и дисфункциональное перформативное событие разгрома заговора и репрессий против антифашистов.

Другое покушение было осуществлено 8 ноября 1939 г. антифашистом-одиночкой Иоганном Георгом Эльзером вскоре после начала войны. Замысел сложился у него еще накануне войны. Эльзер надеялся, что устранение верхушки нацистской партии, трицы Гитлер – Геринг – Геббельс приведет к отказу от агрессивной политики подготовки войны. Эльзер решил осуществить свой теракт в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», где каждый год 8 ноября в годовщину «Пивного путча» Гитлер выступал перед ветеранами своей партии. Подготовка началась загодя, а непосредственное создание взрывного устройства – в начале августа 1939 г., т.е. до начала войны. Взрывной механизм был установлен на двадцать минут десятого, но за несколько минут до этого Гитлер в сопровождении партийной верхушки покинул пивную. Взрыв убил нескольких «старых бойцов» и кельнершу. Покушение оказалось дисфункциональным. Гитлер поспешил выдать неудачу попытки убить его за веление судьбы продолжить свою миссию утверждения превосходства германской нации и Третьего рейха.

Нацистская пропаганда и сам Гитлер связывали его жизненное предназначение с миссией фюрера и судьбой Третьего рейха. Именно это акцентировало значение как покушений на жизнь Гитлера, так и его самоубийства. Однако подобного рода перформативы – удачные и неудачные, дисфункциональные – были далеко не равнозначны. Три хронологических момента – 8 ноября 1939 г., 20 июля 1944 г. и 30 апреля 1945 г. – приходятся на разные фазы существования гитлеровской диктатуры.

Взлет и падение Третьего рейха

Начало войны и победоносная кампания против Польши приходятся на самый взлет проекта Третьего рейха. Он был начат с приходом на пост канцлера Адольфа Гитлера. Именно тогда начинается внутренняя метаморфоза германского государства. В общем понимании и согласно конституции Веймарской республики Германия была и оставалась империей. В первой же статье конституции (*Die Verfassung des Deutschen Reichs*) прямо сформулировано: «Германская империя является республикой (*Das Deutsche Reich ist eine Republik*)».

Нацисты формально не отменяют конституцию и ничем пока не заменяют. Однако с приходом к власти они развертывают включенный перформатив. Его начальными точками становятся поджог Рейхстага и начало репрессий. Происходит только изменение режима, правда, весьма радикальное. После поджога Рейхстага и принятия «Указа рейхспрезидента о защите народа и государства» (*Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat*) в феврале 1933 г. режим становится чрезвычайным, а ряд статей конституции объявляются временно недействительными.

После принятия в марте 1933 г. закона о чрезвычайных полномочиях (*Ermächtigungsgesetz*) – официальное название «Закон о преодолении бедственного положения народа и государства» (*Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich*) – правительство получает широкие полномочия вплоть до законодательных. С их помощью режим начинает натягивать на себя государственные институты. Параллельно режим правительственный сращивается с режимом партийным.

Без учета конституции, но и без ее отмены принимаются органические законы. Исчезают важные институты, включая Рейхстаг. Усиливаются притязания, приобретают все более ярко выраженный имперский характер. Они подкрепляются символическими актами, имеющими почти конституционное значение: замена государственного флага, герба и т.п. Это 1935 год. В политическом дискурсе, в нацистской пропаганде уже появляется Третий рейх, правда, официально государство называется просто Германской империей.

Начинаются «возвращения домой» (Heimkehr) утраченных территорий. Это завершается Аншлюсом весной 1938 г. Осенью Мюнхенское соглашение легитимирует новый статус Третьего рейха. Мировые державы соглашаются с претензиями Третьего рейха на «естественную» (для него) экспансию.

Это пик консолидации нового порядка, нового государства, новой роли именно Третьего рейха, а не Германии вообще в европейских и мировых делах. С семиотической точки зрения в Мюнхене осуществлен комплексный, коллективный перформатив. Четыре державы согласились с тем, что отныне Третий рейх из идеологической конструкции превращается в политический факт, становится имперским гегемоном. Это пик консолидации Третьего рейха. Выше только – да и то скорее по инерции – первые победоносные кампании.

Третий рейх не долго продержался на достигнутой высоте. Уже в 1940 и 1941 гг. появляется все больше признаков того, что преувеличенные претензии нацистов и их фюрера не слишком реалистичны и практически недостижимы. Все больше фактов, начиная с героического сопротивления поляков подтверждает, что есть силы и воля, способные вступить в борьбу с Третьим рейхом.

Поворот в войне наметился еще в 1943 г. после Сталинградской битвы. Однако в тот момент казалось, что все еще может быть изменено, а наступление Великой армии Третьего рейха лишь немного затормозилось. Ужасные последствия для нацистского режима тогда еще никто не мог предвидеть. Свидетельством тому стала речь Й. Геббельса «О тотальной войне». На слова: «Если даже сильнейшая военная мощь в мире не может уничтожить угрозу большевизма, кто тогда сможет это сделать?» – последовал ответ всего зала хором: – «Никто!» Победа в тот момент казалась неизбежной, а трудности временными. Перформатив речи Геббельса о

непобедимости Третьего рейха оказался дисфункциональным, так как не достиг того конечного запланированного эффекта в виде консолидации нации и победы над Советским Союзом.

Однако и Геббельса, и всех остальных далеко превосходил сам Гитлер. Он множил дисфункциональные перформативы, выдвигал требования и отдавал приказы, которые оказывались провальными. Фюрер, чем дальше и чем хуже шли дела, совершенно перестал слушать советников и, к тому же, безвылазно сидя в своем бункере, он совершенно не осознавал действительную обстановку на фронте. Это фатальным образом сказывалось на управлении войсками, тем более что он решительно не хотел слушать своих лучших генералов. Командующий Восточным фронтом генерал Гудериан вспоминает: «Гитлер... окончательно потерял самообладание... заявив, что карты и схемы “абсолютно идиотские”, и приказал, чтобы я посадил в сумасшедший дом человека, подготовившего их. Тогда я вспылил и сказал: “Если вы хотите направить генерала Гелена в сумасшедший дом, тогда уж отправляйте и меня с ним заодно”» [Ширер, 1991].

Германия, ее армия и администрация держалась за счет действий профессионалов, а сам Гитлер и вся его нацистская гарнитура множили дисфункциональные перформативы. Арденнская операция стала последней большим крупномасштабным наступлением, «последней авантюрой Третьего рейха» [Ширер, 1991]. Амбициозный план не внушал особый оптимизм, особенно у военачальников Главного штаба. У Третьего рейха уже было слишком мало сил для контрнаступления, которое могло бы переломить ход войны. По приказу А. Гитлера для «решающего» контрнаступления собирались лучшие силы, что значительно ослабляло оборону и Восточный фронт, где активно наступала Красная армия. Генерал Рунштедт так сказал о плане, уже после окончания войны: «Когда я получил этот план в начале ноября, я был ошеломлен. Гитлер не потрудился проконсультироваться со мной... Для меня было совершенно ясно, что наличных сил явно недостаточно для осуществления такого самоуверенного плана» [Ширер, 1991]. Само решение фюрера о проведении Арденнской операции можно считать *перформативным актом* (*performative utterance*). В данном случае субъект коммуникативного действия (фюрер) имеет власть над объектом (командующий состав, немецкая армия). Приказ фюрера был исполнен настолько, насколько это возможно.

Однако наступление застопорилось. Более того, в начале января появилась угроза того, что большая группа немецких войск окажется окружена со всех сторон. Несмотря на явную угрозу окружения возможно боеспособной части немецкой армии на тот момент, А. Гитлер наотрез отказался отступать с занятых позиций: «Тогда мы... полностью сокрушим американцев... И тогда вы увидите, что произойдет. Я не верю, что в конечном счете враг устоит перед 45 немецкими дивизиями... Мы еще одолеем судьбу!» Приказ фюрера о недопустимости отступления также является *перформативным актом* (*performative utterance*), так как приказ (коммуникативный акт) фюрера является действием (однако в данном случае акт ведет к отсутствию действия: войска не отступают). Этот перформатив обернулся ужасными последствиями для немецкой армии – 120 тыс. человек были убиты и ранены, 1200 самолетов было потеряно [Ширер, 1991]. Так провалилась последняя попытка переломить ход Второй мировой войны.

К 21 апреля 1945 г. русская армия вышла к пригородам Берлина. Город оказался полностью окружен войсками союзников, а Гитлер оказался отрезан в своем бункере, в столице Третьего рейха. У него не осталось возможностей уйти из города. Однако Гитлер все еще верил, что Третий рейх удастся спасти в последний момент. 21 апреля им был отдан приказ об ударе по русским войскам, которые были уже в южном пригороде Берлина: «Каждый командир, который уклонится от выполнения приказа и не бросит в бой свои войска, поплатится жизнью в течение пяти часов. Вы лично головой отвечаете за то, чтобы все до последнего солдата были брошены в бой» [Ширер, 1991]. Однако ВВС у Германии фактически уже не было, и авиаудар по факту не состоялся. Приказ о наступлении и угроза расстрела тех, кто будет саботировать удар по русским войскам, можно назвать *перформативной конструкцией* (*performative utterance*), потому как он являет собой одновременно действие и коммуникативный акт. Однако в данном случае хоть *высказывание* и было *перформативным* (в той или иной степени все приказы и повеления можно назвать *перформативными коммуникативными актами*), но фактически оно не стало действием, так как удар Штейнера по русским войскам так и не состоялся. Эта ситуация, несомненно, уникальна.

После того как контрудар Штейнера не возымел эффекта, стало ясно, что конец Третьего рейха – дело времени. Более того,

из-за оттягивания оставшихся групп войск для этого последнего контрудара был оголен Южный фронт, и русским удалось прорваться в город. «Это конец. Все меня покинули. Кругом измена, ложь, продажность, трусость. Все кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине. Я лично возьму на себя руководство обороной столицы Третьего рейха. Остальные могут убираться куда хотят. Здесь я и встречу свой конец», – именно с такими словами фюрер фактически признал поражение. Его кончина оказалась неизбежной.

Перформативный акт капитуляции

В последние дни жизни А. Гитлер активно предпринимал попытки заключить сепаратные соглашения с западными державами против Советского Союза, а также с французами против англосаксов и СССР. Однако союзники не пошли на контакт с А. Гитлером. Иные варианты, кроме безоговорочной капитуляции, не рассматривались.

4 мая Г. Фридебург подписал в британской ставке в Люнебурге акт о капитуляции немецких войск на Северо-Западном фронте. Этот акт можно назвать лишь частичной капитуляцией, так как Г. Фридебург не имел юридических полномочий на подписание полной капитуляции, кроме того, генерал-адмирал хотел капитулировать лишь перед западными союзниками, но не перед Советским Союзом [Кынин, 2000]. Командующий союзными силами Д. Эйзенхауэр был готов принять сепаратную капитуляцию, но только всех немецких войск, что подрывало планы Фленсбургского правительства (а Г. Фридебург был его членом) по поводу заключения союза с западными странами против СССР.

7 мая в 2 часа 34 минуты в штабе Эйзенхауэра в присутствии стран-победителей (в том числе и Советского Союза) состоялось подписание акта о капитуляции Германии. Со стороны Германии акт подписал А. Йодль. После подписания акта он произнес слова, которые можно рассматривать как дисфункциональное перформативное высказывание: «Генерал, этой подписью германский народ и германские вооруженные силы полностью отдают себя на милость победителей. В этой войне, продолжавшейся более пяти лет, германский народ и его вооруженные силы осознали и пострадали может быть больше, чем любой другой народ мира. В этот час я

могу лишь выразить надежду, что победитель отнесется к ним с великодушием» [Кынин, 2000]. В этой фразе содержится сразу несколько перформативов. Это подпись, которой А. Йодль закрепил поражение Германии, а также выражение надежды о милости победителей к побежденным. Последний дисфункционален, поскольку от перформативного субъекта исход событий и действий победителей не зависит. Отметим также фактически мгновенную потерю власти Фленсбургским правительством сразу после подписания акта. Из перформативного субъекта (источника перформативных актов и высказываний) они превратились в объект.

Однако И. Сталин не согласился с тем, что документ о капитуляции был подписан не в Берлине. При этом он заявил, что не имеет претензий к генералу Сулопарову, т.е. у него нет существенных нареканий к тексту акта. Несмотря на это 8 мая был подписан еще один акт о капитуляции, уже в Берлине (на подписании председательствовал Г. Жуков). По тексту он практически полностью идентичен подписанному днем ранее Реймскому акту за исключением фрагмента о том, что немецким войскам необходимо разоружиться: «...разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителям Союзного Верховного Командования...». Перформатив разоружения можно назвать уточняющим, поскольку безоговорочная капитуляция подразумевает разоружение по определению.

Реймский и Карлсхорстский акты довольно краткие и состоят всего из пяти пунктов. Первый пункт является констатацией того, что немецкое командование соглашается на безоговорочную капитуляцию своих вооруженных сил войскам союзников и советской армии. Второй пункт наиболее интересен и неоднозначен с точки зрения теории политических перформативов: «Германское Верховное командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 час. по центральноевропейскому времени 8 мая и остаться на своих местах, где они находятся в это время...» [Кынин, 2000]. Данное перформативное высказывание (*performative utterance*) можно трактовать как дисфункциональное, так как это перформатив добровольной сдачи позиций на милость победителю. Не совсем ясным является субъект перформативного

высказывания, так как, с одной стороны, приказ о прекращении военных действий немецких войск будет отдан германским верховным командованием, с другой стороны, очевидно, что приказ этот отдается не по инициативе германского командования, а под давлением стороны, принимающей капитуляцию.

В третьем пункте Акта говорится о безоговорочной капитуляции, о немедленном выделении соответствующих командиров, которые обеспечат выполнение пунктов Акта, а также «...обеспечат выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным командованием Союзных Экспедиционных сил и Советским главнокомандованием». То есть немецкая армия более не подчиняется германскому командованию, а выполняет приказы стран-победительниц. Поражение как перформативное событие (performative event) как раз и заключается в том числе и в подобной «замене» политического субъекта, смены «того, кто приказывает». Это свидетельствует о деконсолидации политического субъекта как о свершившемся факте. Политическим субъектом в данном случае выступает немецкое командование, а его распад произошел в момент самоубийства А. Гитлера. Именно фигура фюрера была ключевой во всей системе управления Третьим рейхом, и она объединяла все руководство вокруг себя. Не будет преувеличением сказать, что перформативный акт (performative act) самоубийства фюрера ускорил поражение Третьего рейха (performative event), которое закреплено в Акте о безоговорочной капитуляции (performative utterance).

По настоянию И. Сулопарова в документ был добавлен четвертый пункт о том, что подписание Реймского акта не является препятствием для замены его другим актом о капитуляции. В пятом пункте мы можем видеть столкновение, противоборство сразу двух перформативов. С одной стороны, в документе говорится о том, что Германия потенциально может не выполнить требования союзников и СССР: «В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции...» С другой стороны, перформативное высказывание союзников: «...Верховное командование Союзных Экспедиционных сил и Советское главнокомандование предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми». Налицо дисфункциональность первого

перформативного высказывания (если не выполнят обязательства) и эффективность и действенность второго (...то предпримем карательные меры). Лексическая рамка («если... то») подчеркивает это правило. Гипотетическое перформативное действие со стороны германского верховного командования будет встречено перформативным действием в виде карательных мер со стороны союзников и советских войск.

Таким образом, капитуляцию можно считать как перформативным действием (*performative act*), так и перформативным высказыванием (*performative utterance*). Действием является сам факт подписания и капитуляция немецкой армии (подписание, прибытие основных участников «театра действий» на место, факт подписания двух актов вместо одного). Зафиксирована же капитуляция (а также прописаны ее условия) в текстах Реймского и Карлсхорстского актов. Это и есть важнейшее перформативное высказывание, которое вместе с самим фактом ее подписания имеет решающее значение как составляющая перформативного события (*performativeevent*) поражения Германии во Второй мировой войне.

Кто и как завершил Вторую мировую войну

Равнозначен ли акт самоубийства Гитлера капитуляции Третьего рейха? Какого рода перформативные акты завершили войну?

Можно утверждать, что война была завершена без Германии в качестве политического субъекта. Масштабное отступление немецких войск, подписание актов о капитуляции, поведение генералов, подписавших документы с немецкой стороны (так, не последовало ни единого слова от представителей немецкой стороны, за исключением фразы А. Йодля после подписания Реймского акта, о которой было сказано выше; ратификация Карлсхорстского акта прошла в молчании). Подтверждением того, что Германия, особенно в ходе последних месяцев войны, а также в мае 1945 г., когда Фленсбургское правительство еще было на свободе, стала скорее объектом для перформативных высказываний и действий, мы находим в самих текстах актов о капитуляции (об этом см. выше подраздел «Перформативный акт капитуляции»).

Германия, немецкое командование и Третий рейх не могут считаться и не могли быть субъектами завершения войны еще и потому, что к моменту подписания актов о капитуляции субъекты уже фактически отсутствовали как таковые. На протяжении нескольких лет Германия как субъект последовательно деконсолидировалась, что в конечном счете привело к капитуляции, а после и к разделу страны на две части: ГДР и ФРГ. Об окончательном развале субъекта можно говорить после самоубийства А. Гитлера, так как именно он являлся важнейшей фигурой, которая объединяла вокруг себя немецкий народ, немецкую армию, Германское Верховное командование. Несмотря на то что фактически капитуляция Германии состоялась лишь в мае, самоубийство А. Гитлера можно считать действием, которое окончательно сделало ее неизбежной. Фленсбургское правительство едва ли можно назвать представителями всей немецкой нации. Достаточно сказать, что под его контролем находились лишь пригороды и сам город Фленсбург. Само правительство в какой-то момент было признано союзниками лишь для того, чтобы его представители подписали акт о капитуляции, так как это прибавило ему легитимности (Реймский акт подписал исполняющий обязанности начальника Верховного командования А. Йодль, Карлсхорстский акт подписали Кейтель, Фридебург и Штумпф). После непродолжительного промежутка времени после подписания акта о капитуляции Фленсбургское правительство было арестовано в полном составе. Наиболее заметным его действием стала попытка оттянуть время подписания капитуляции с целью сдать именно западным союзникам, а не советским войскам. А. Йодль напрямую вышел с таким предложением, однако оно было отвергнуто в довольно резкой форме Д. Эйзенхауэром (американский генерал даже угрожал закрыть фронт) [Кынин, 2000]. Здесь можно говорить о столкновении перформативных воронок: немецкой, с одной стороны, и союзников – с другой. Обе воронки замыкаются на перформативном событии (*performative event*) поражения Германии, перформативных высказываниях двух акторов (при этом высказывание представителей союзников явно стоит в более сильной позиции, а перформатив Фленсбургского правительства, как следствие, оказался дисфункциональным).

Вполне вероятно, что любая ситуация политического конфликта является не чем иным, как суммой перформативных дейст-

вий и высказываний, которые складываются в две противостоящие друг другу воронки (это видно в том числе и на примере кейса окончания Второй мировой войны, рассмотренного в рамках данного исследования). В процессе конфликта становится ясно, что совокупность перформативов одной из сторон конфликта является функциональной (потенциальный победитель), а второй – дисфункциональной (потенциальный проигравший). Иными словами, двигателем конфликта, а также его наиболее значимым внешним проявлением становятся именно перформативные воронки, а также включенные в них перформативные события, действия и высказывания (*performative events, acts and utterances*). Впрочем, эта тема весьма сложна, не разработана и требует пристального внимания со стороны исследователей.

Список литературы

- Bach K., Harnish R.M.* Linguistic communication and speech acts. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1979. – xvii, 327 p.
- Berthold W.* Die 42 Attentate auf Adolf Hitler. – München: Blanvalet, 1981. – 255 S.
- Campbell A.* The American voter. – N.Y.: Wiley, 1960. – viii, 573 p.
- Searle J.R.* A taxonomy of illocutionary acts // Language, mind, and knowledge (Minneapolis studies in the philosophy of science) / K. Gunderson (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1975. – P. 344–369.
- Бертольд В.* 42 покушения на Адольфа Гитлера. – М.; Смоленск: Изд. Русич, 2002. – 352 с.
- Ильин М.В.* Воронка причинности. От эмпирической модели к формированию парадигм многослойной причинности // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 442–451.
- Кынин Г.П.* Германия капитулирует безоговорочно. – М., 2000. – Режим доступа: http://www.idd.mid.ru/inf/inf_25.html (Дата посещения: 16.06.2016.)
- Мельвиль А.Ю.* Методология воронки причинности как промежуточный синтез структуры и агента в анализе демократических транзитов // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 5. – С. 54–58.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* От метафоры к объяснительной модели: Волны демократизации и воронка причинности // Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН. – М., 2001. – С. 263–267.
- Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис: Политические исследования. – М., 1998. – № 2. – С. 6–38.

- Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М.: МОНФ, 1999 а. – 108 с.
- Мельвиль А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М.: МОНФ, 1999 б. – 58 с.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* От метафоры к объяснительной модели: «Волны демократизации» и «воронка причинности» // Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 году / Под ред. М.В. Ильина. – М., 2002. – С. 74–82.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* «Воронка причинности» и волны демократии // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21–23 апреля 2000 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 223–225.
- Гитлер А.* Политическое завещание. – Б. г. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1382> (Дата посещения: 13.05.2016.)
- Ширер У.* Взлёт и падение Третьего рейха: В 2 т. – М.: Воениздат, 1991. – Т. 2. – 526 с.
- Кун И.* Неизвестный Гитлер: Интервью с Траудль Юнге, личным секретарем Гитлера, записанное Гиттой Сирени // People.ru. – 2016. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/state/statesmen/yunge/> (Дата посещения: 21.05.2016.)